

Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 41–47.
Izvestiya of Altai State University. 2024. No 2 (136). P. 41–47.

Научная статья
УДК 94:398.5(470.57)
ББК 63.3(2Рос.Баш)+82.3(2Рос.Баш)
DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-06

Отражение культа утки в мифе и ритуале башкир

Азалия Фаттаховна Илимбетова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия,
ilimbetovazalia@mail.ru

Original article

Reflection of the Duck Cult in the Myth and Ritual of the Bashkirs

Azaliya F. Ilimbetova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the RAS, Ufa, Russia, ilimbetovazalia@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена образу утки — одному из ключевых орнитоморфных символов в мифоритуальной традиции башкир. В башкирском народном творчестве утка изображается как птица, обладающая человеческой речью, способная перевоплощаться в человека и вести человеческий образ жизни. В эпосе «Урал-батыр» и «Акбузат» имеются образы утки-праматери и родоначальницы башкир. В сказочной прозе, поверьях и бытовых традициях башкир утка как божественное существо фигурирует в роли покровительницы и защитницы людей. Наличие в родоплеменной номенклатуре башкир родовых подразделений «өйрәк» («утка») и «сөрәгэй» («чирок») свидетельствует о существовании у древних башкир веры в происхождение отдельных групп людей от мифической утки-прародительницы. В религиозно-мифологических представлениях башкир имеются пережитки табуирования утки. В декоративно-прикладном искусстве башкир образ утки обладает обережно-охранительными функциями. В устных рассказах и суевериях башкир обнаруживаются рудименты представлений об утке как о воплощении души человека, духа горы и озера, хозяина дома, скота, клада, богатства, живой и мертвой воды. В эпосе «Урал-батыр», «Акбузат» и космогонических легендах башкир просматриваются связи мифической утки с солярно-лунарными культами, она олицетворяет небесные светила — солнце и луну. В них утка выступает в роли демиурга и культурного героя, творца земной тверди.

Ключевые слова: утка, башкирская мифология, культ, обряды, традиционное мировоззрение

Abstract. The article is devoted to the image of a duck, one of the key ornithomorphic symbols in the mythological and ritual tradition of the Bashkirs. In Bashkir folk art, a duck is depicted as a bird that speaks like a human, can transform into a person and lead a human lifestyle. In the epos "Ural-batyr" and "Akbulat" there are an images of a duck-foremother and ancestor of the Bashkirs. In the fairy tale prose, beliefs and everyday traditions of the Bashkirs, the duck, as a divine being, appears in the role of the patroness and protector of people. In the tribal nomenclature of the Bashkirs there are tribal divisions "duck", which indicates the existence among the ancient Bashkirs of faith in the origin of certain groups of people from the mythical duck-progenitor. In the religious and mythological representations of the Bashkirs there are remnants of the duck taboo. In the arts and crafts of the Bashkirs, the image of a duck has protective functions. In the folklore and superstitions of the Bashkirs, there are remnants of ideas about the duck as the embodiment of the human soul, the spirit of the mountain and the lake, the owner of the house, livestock, treasure, wealth, living and dead water. In the epic "Ural-batyr", "Akbulat" and cosmogonic legends, the connections of the mythical duck with solar-lunar cults are visible, it personifies the heavenly bodies — the sun and the moon. In them, the duck acts as a demiurge and a cultural hero, the creator of the earth.

Keywords: duck, Bashkir's mythology, cult, rituals, traditional worldview

Для цитирования: Илимбетова А.Ф. Отражение культа утки в мифе и ритуале башкир // Известия Алтайского государственного университета. 2024. №2 (136). С. 41–47. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-06.

For citation: Ilimbetova A.F. Reflection of the Duck Cult in the Myth and Ritual of the Bashkirs. *Izvestiya of Altai State University*. 2024. №2 (136). P. 41–47. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-06.

Культ птиц является важной частью древнего политеистического мировоззрения многих народов мира, в том числе и башкир. Образы птиц, в частности утки, занимают значительное место в их устных традициях, бытовых обрядах, поверьях и обычаях. Так, выдающийся ученый-этнограф, антрополог и археолог С.И. Руденко в монографии «Башкиры» выявил элементы преклонения башкир перед уткой [1, с. 274]. В трудах известного историка, этнографа Р.Г. Кузеева приводятся этногенетические легенды, возводящие корни того или иного башкирского рода (племени) до мифического орнитоморфного предка, даются перечни священных родовых птиц-тотемов (онгонов) башкир и родоплеменных этнонимов, созвучных с названиями почитаемых птиц [2, с. 106, 146]. Ученый также обнаруживает художественные орнаментальные мотивы, связанные с образом утки [3, с. 146, 165]. М.Х. Мингажетдинов, анализируя некоторые этногенетические башкирские мифы, особо выделил мотивы о чудесной жене, способной принимать облик утки. В этих сюжетах, по его суждению, нашли отражения древние тотемические умозаключения башкир [4, с. 301]. Важными источниками при изучении древних мифологических воззрений башкир об окружающем мире, в том числе культе птиц, являются исследования Ф.Г. Хисамитдиновой. В них вкраплены данные о восприятии башкирами утки творцом земной тверди [5, с. 245]. Приписывание утке сверхъестественных качеств было предметом научных интересов З.Г. Аминова, который ввел в научный оборот башкирскую легенду об утке-демиурге, создавшей земную твердь из ила и своего пуха, истоки которой восходят к мифологии «народов урало-алтайского круга» [6, с. 20–22]. Археолог В.Г. Котов образ девы-утки Наркас связывает с солярной символикой и считает, что она схожа с богиней зари Ушас индоарийской мифологии [7, с. 103]. По его мнению, зарождение культа водоплавающей птицы относится ко времени существования единой палеоевразийской общности народов, т.е. к эпохе верхнего палеолита [8, с. 235]. Почитание утки в традиционном мировоззрении башкир также отмечали в своих научных исследованиях башкирские этнографы и фольклористы М.Н. Сулейманова [9, с. 32], Г.Р. Хусаинова [10, с. 39–40, 55], Ю.А. Абсалямова [11, с. 9] и др. Однако в целом исследования, касающиеся этой темы, носят отрывочный, фрагментарный характер.

Целью данной работы является изучение высоко развитого в прошлом культа утки в религиозно-мифологических представлениях башкир во всех его про-

явлениях в быту и хозяйственной жизни по данным фольклора, этнографии и других материалов.

Утка в башкирской мифологии, обрядах и обычаях фигурирует как тотемная птица, прародительница, покровительница, локальный дух-божество, демиург — творец земли, ощущается ее связь с солярно-лунарным культом.

В башкирских сказаниях «Урал-батыр» и «Акбузат» необычайные утки воплощают собою солнце и луну. В эпосе «Урал-батыр» главный герой Урал-батыр в поисках источника живой воды попадает в страну дочери солнца Хумай, девушки-лебедя, которая обещает помочь Урал-батыру в реализации его цели, если он найдет и принесет ей птицу, вобравшую «в себя тона и краски всех прочих птиц». Урал-батыр обнаруживает и ловит такую чудесную птицу в озере с усталыми серебром берегами и дном, окруженном со всех сторон высокими неприступными горами. Птица, узнав, что *егет* (юноша) не из рода преследовавших ее демонов (дэвов), превращается в луноликую девушку и говорит батыру, что она дочь луны, зовут ее Айхылу, она сводная сестра Хумай по отцу [12, с. 108, 112–113, 115].

В тексте эпоса, как видим, нет прямых указаний на то, что водоплавающая птица с необыкновенным многоцветным оперением является уткой. В.Г. Котов, анализируя подобные сюжеты в фольклоре и ритуальной практике евразийских народов, высказывает предположение, что в эпосе «Урал-батыр» проглядываются следы древнего солярно-лунарного мифа о двух сестрах в облике водоплавающих птиц — воплощенный небесных светил (Айхылу в образе утки — олицетворение луны; Хумай — лебедь — персонификация солнца), которые становятся супругами двух братьев, Шульгена и Урал-батыра [8, с. 164–168]. Данные суждения В.Г. Котова подкрепляются сюжетной линией эпоса «Акбузат». Главный герой эпоса Хаубан (правнук Урал-батыра) увидел плавающую в озере золотую утку. Недолго думая, он прицелился и подстрелил ее, подплыл к утке и начал подгонять ее к берегу. Тут утка заговорила по-человечески и сказала, что она дочь подводного царя Шульгена, а затем стала умолять батыра, чтобы он не вытаскивал ее из воды. Она объяснила егету, что если она выйдет из воды на сушу, то погибнет, так как «она — дева водяная, вся из лучей и пламени создана». В качестве откупа она предлагает батыру несметное богатство, скот и легендарного богатырского коня Акбузата. Хаубан соглашается и отпускает утку. В другой раз Хаубан встречается с золотой уткой на том же озере, где она сидела на золотом троне в облике златовласой девушки. Хаубан незаметно под-

крался, схватил девушку за длинные волосы и стал угоривать ее жить вместе. Девушка ответила, что она не земное существо, а «девушка, рожденная из лучей». По ходу развития событий Хаубан спускается вместе с ней в подводное царство, узнает, что девушка носит имя Наркас, при помощи коня Акбузата вынуждает ее выйти из-под воды на землю. В эпилоге эпоса Наркас признается Хаубану в любви и объясняет, что только поэтому она покорилась ему. А до этого если кто хотел помериться с ней силой, то стоило ей открыть ему свое лицо, тот человек сразу же был ослеплен ее лучами [12, с. 165–167, 171, 377–378, 382, 417]. Таким образом, в эпосе «Акбузат» четко говорится, что Наркас-утка — солнечное существо, сотворена из лучей света и огня, сама излучала свет, ослепляющий любого нежеланного человека, имела золотое оперенье (волосы) — символ солнца и его лучей. Если принять во внимание существующее в башкирской фольклористике мнение о том, что эпос «Акбузат» является тематическим и логическим продолжением и завершением сказания об Урал-батыре [13, с. 21–22; 14, с. 80–81], то вполне допустимо сопоставление водоплавающей птицы с чудным оперением — Айхылу с солнечной уткой — Наркас. Обе птицы олицетворяют небесные светила, первая из них — луну, а вторая — солнце.

В свете исследуемой нами проблемы определенный интерес вызывает тезис В.Г. Котова о том, что в мифологическом сюжете спускания батыра в подводный мир и добывания у хозяина потустороннего мира солнечной девы отразилась «сцена освобождения светозарной девы (солнца) из-под власти хтонического персонажа». По мнению В.Г. Котова, осколки этого архаического мифа, соединенные с солярно-лунными мифологизациями, сохранились в эпосе «Урал-батыр», «Акбузат» и сказочном фольклоре башкир [8, с. 267–268]. В пользу этого суждения говорят поступки Урал-батыра в одноименном эпосе. Он выручает из непоправимой беды лебедь-Хумай (солнце), когда она была на волоске от смерти (Урал-батыр вырывает раненую птицу из рук Шульгена (хтонического персонажа), который хотел ее съесть) и избавляет от преследования дэвов утку — Айхылу (луну) [12, с. 68, 110–115] — дочерей повелителя птичьего царства Самрау, а в эпосе «Акбузат» Хаубан продолжает героические деяния своего прадеда Урал-батыра — освобождает из подводного плена утку — Наркас (солнце). По всей видимости, и в поступках Урал-батыра и Хаубана по отношению к утке — Айхылу (луне) и утке — Наркас (солнцу) зашифрованы соответствующие деяния (забытые потомками) демиургов — устроителей луны и солнца, прообразов выше-названных эпических героев башкир.

В башкирских устных рассказах утка выступает как устроитель, творец и других элементов мироздания. В легенде «*Ике үрзәктән утрау яһағаны*» («Две утки, сотворившие остров»), записанной в 1985 г.

в д. Утяганово Кармаскалинского района Башкирии Г.Б. Хусаиновым от Г. Гиззатуллиной (1897 г.р.), говорится, что в давние времена вся поверхность земли была покрыта водой. И вот однажды на безбрежном море появились две утки. Они стали нырять под воду и извлекать со дна моря на поверхность воды кусочки ила. Утка-мать стряхнула на добытый ил свой пух и перья и свила из них гнездо, а затем снесла яйца и вывела утят. Утята подросли и сами стали лепить себе гнезда. Птицы размножились, и стало их много. Слепившись вместе, они образовали нечто вроде острова. Так среди бескрайней воды возникла суша [15, с. 30]. Аналогичное по содержанию предание записано З.Г. Аминевым от башкир-бурзянцев Баймакского района РБ. Согласно преданию, вначале повсюду была вода, ничего кроме воды. На эти первозданные воды спускается неизвестно откуда взявшаяся утка, которая стала нырять под воду и вытаскивать на поверхность воды ил (*лай*). Подняв со дна моря достаточное количество ила, она свила из ила и своего пуха гнездо, снесла два яйца и высидела двух утят. Когда утята подросли, они поссорились между собой из-за земли. Суша-то еще была очень мала и не могла вместить на себе двух утят. Один из них, вытеснив другого с острова, остался наверху, а другой утенок ушел под воду и превратился там, как говорят, в дракона (*аждаха*). Он время от времени вредит всему живому, мстя за то, что его вытеснили из этого мира [6, с. 20].

В башкирском фольклоре божественная суть утки сохранилась также в образах утки или селезня, выступающих в роли локальных духов и хозяев определенного локуса. В легенде «*Йөгәмәш тауы*» («Гора Югамаш»), записанной у башкир-урман-гэрэйцев в д. Югамашево Янаульского района РБ, излагается, что на вершине высокой горы Югамаш, куда никто не мог взобраться, когда-то находилось озеро. В том озере, говорят, жили хозяева горы (*тау эйәләре*) в облике утки и селезня. Однажды некоему охотнику удалось вскарабкаться на вершину этой горы, где он подстрелил утку. А селезень взлетел высоко в небо, кричал, долго летая кругами над горой, потом бросился на скалу и разбился насмерть. И тут начался ураган, вихрь повалил деревья, затряслась гора, исчезло озеро, а на его месте осталась только огромная яма. Охотник принес утку домой. Три дня варили утиное мясо, но не смогли его сварить. Оно затвердело как камень, поэтому кинули его в поле. Так не стало у горы хозяев, и она постепенно ушла под землю [15, с. 38]. В одном из вариантов этой легенды, записанной в 2005 г. Ф.Ф. Гайсиной в д. Югамашево Янаульского района РБ от Б.В. Валидьиной (1925 г.р.), говорится, что утка была духом озера (*күл эйәһе*), расположенного на вершине вышеупомянутой горы. Оно совершенно высохло из-за убийства одним охотником его хозяйки — утки [16, с. 176].

Утка как божественная субстанция в башкирских фольклорных рассказах, поверьях и обычаях относится к числу сакральных существ, обладающих способностью оказать благотворное влияние на жизнь и судьбы людей. В сказке «*Кейезбай менән батша кыздары*» («Киизбай и царские дочери») благодарная утка, помогая герою, насмерть склевала двух зловредных птиц, таскавших каждую ночь с царского сада целебные яблоки — источники жизни и здоровья трех дочерей царя. В других устных рассказах утка помогает батыру найти дочь царя («Караса-батыр»); добывает живую и мертвую воду для оживления убитого героя («Ахмет-батыр и Касим-батыр»); дарит егету волшебные перья из своих крыльев, исполняющие любые его желания («*Езтырнак*» («Медный коготь»)); несет золотые яйца, продав которые, один из братьев, живший в нужде, становится богатым («*Ике бер туған*» («Два брата»)). В легенде «*Нух карт хазиһаһы*» («Сокровища старика Нуха») утка становится хозяйкой клада. Она являлась по ночам к старику. Старик резал обычно одну из своих уток и брал у хозяйки сокровища золота взаимы. Как было отмечено несколько выше, и золотая утка в эпосе «Акбузат» дарит герою несметное ко-

«Өйрәк айтә: бак, бак!
Ашарыма тап, тап!
Ашарыма тапмаһаң,
Өйөңдө булһа ла һат, һат!» [21].

Пережитки умиловления божественной утки проявляются и в изложенной выше легенде о сокровищах старика Нуха: обычно старик приносил в жертву хозяйке сокровищ в облике утки одну из своих уток и брал у нее золото взаимы [15, с. 429].

По поверьям башкир, человеческая душа представлялась в образе утки. Так, в башкирских сказках «Киизбай и царские дочери» и «Ахмет-батыр и Касим-батыр» души демонических персонажей находились в яйце, а яйцо — в утке или под уткой [17, с. 402; 18, с. 30]. По свидетельству С.И. Руденко, у башкир-табынцев были нередки рассказы о том, что душу утопленника видели в образе утки, плавающей на воде поблизости трупа [22, с. 21]. Генетические корни этих двух представлений об утке (как о мифическом первопредке и как воплощения души человека) восходят к древнейшим тотемическим суждениям первобытных людей, включая и отдаленных предков башкир.

Рудименты взгляда на утку как на тотемную птицу у башкир наиболее четко проступают в фольклорных мотивах антропоморфизации утки и трансформации человека в утку (селезня). В башкирском народном творчестве утка изображается как птица, обладающая человеческой речью, способная перевоплощаться в человека и вести человеческий образ жизни. В сказке «Санай-батыр» герой хотел стрелять в плаваю-

щество скота [12, с. 167–168; 15, с. 428–429; 17, с. 212, 396; 18, с. 31, 204–205, 255]. Согласно сведениям М.Н. Сулеймановой, у башкир исстари существует поверье о том, что с человека, перебирающего пух гуся или утки, снимаются все грехи, а магическая сила, содержащаяся в нем, ограждает его в будущем от всяких болезней [9, с. 39]. Пушок из утиного хвоста, пришитый к шапочке младенца, считался наиболее действенным средством защиты новорожденного от сглаза (Хайбуллинский район РБ) [19]. Несомненно, обережно-охранительные функции (защита освоенного человеком пространства — жилища от происков злокозненных сил) приписывались накладным изображениям уток на резных наличниках окон башкирских домов [20, с. 184]. Апотропейное значение имели и серебряные накладки в виде утиных головок на мужских поясах катаяских башкир «*кәмәр*» [1, с. 148–149].

Как известно, в древних религиях божества требовали от людей приношения даров. В этом отношении не была исключением и божественная утка. Об этом свидетельствует, в частности, четверостишие, записанное у башкир-усерган в с. Большеабишево Хайбуллинского района РБ от И.Д. Илимбетова (1925 г.р.):

«Утка крикает: бак, бак!
Корм для меня найди, найди!
Не можешь накормить,
Продай хотя бы свой дом!».

щую на озере утку. Но она заговорила по-человечески и попросила егета не убивать ее, сказав, что она — его будущее счастье, исчезла. Через некоторое время Санай-батыр на берегу того же озера столкнулся с красивой девушкой, которая раньше встречалась ему в облике утки. Девушка дает согласие стать женой батыра. Такие же сюжеты содержатся и в эпосе «Урал-батыр» и «Акбузат», где Шульген и Хаубан женятся на утках-девушках. В сказках «Умыс», «Исмай» и «Девушка-змея и Ванюшка» герои могут, произнеся волшебные заклинания или произведя магические действия, обернуться то селезнем, то вновь стать человеком [12, с. 108, 11–113, 163, 170; 17, с. 105; 18, с. 60, 172–173, 346].

Наличие в башкирской родоплеменной номенклатуре родовых подразделений под названиями «*сөрағэй*» («чирок») у усерган (с. Галиахметово Хайбуллинского района РБ) [19] и «*өйрәк*» («утка») у кыпсаков и усерган (д. Ялчибаево Гайского района Оренбургской области) [11, с. 9] свидетельствует о существовании у древних башкир веры в происхождение отдельных патронимических групп людей от мифической утки-прародительницы, что люди и утки составляют единую общность. В свете вышесказанного обращает на себя внимание, что в шежере (родословной) башкир племен кыпсак и тамъян встре-

чаются антропимы *Кушай* и *Урэкэй* [2, с. 106, 146]. Возможно, имя *Кушай* образован от слова «кушы» («утка-нырок»), а *Урэкэй* — от «*өйрэк*» [23, с. 640, 711].

Если принять во внимание упомянутые несколько выше толкование образа Айхылу в эпосе «Урал-батыр», то весьма возможно, что в древности праматерью башкир признавалась не только Хумай — дочь солнца в облике лебедя, но и ее сводная сестра по отцу Айхылу — дочь луны в ипостаси золотой утки: от брака Айхылу и Шульгена родился сын Сакмар [12, с. 140], соратник демиурга, культурного героя и первопредка Урал-батыра.

Как установлено в религиоведческой науке, отождествление человека и животных тотемного вида, возникновение веры в их способность перевоплощаться друг в друга и сложение убеждений о кровнородственных связях между ними вызвали к жизни распространение на тотемных животных социально-правовых норм, регулирующих взаимоотношения между членами сообщества первобытных людей, прежде всего норм, предписывающих воздержание от каннибализма и проявление заботы о каждом члене коллектива. Правда, на практике реализация этих норм в отношении тотемных животных приобрела символический характер [24, с. 5–11]. Реликты аналогичных по смыслу регламентаций прослеживаются и в культе утки. Так, в легенде «Югамаш-тау» предмеляются отголоски тотемической табуации утки у древних башкир: не убивать утку и не употреблять ее мясо в пищу. Когда охотник подстрелил священную утку, то от такого святотатства произошел ураган, затряслась земля, возмутилась природа, а мясо утки, которое не смогли сварить в течение трех дней, превратилось в камень, т.е. стало несъедобным.

Таким образом, в фольклоре, обычаях и обрядах сохранились следы древних воззрений предков башкир о тождестве человека и утки, умении их перевоплощаться друг в друга, способности утки вести человеческий образ жизни и вступать с человеком

в брачные отношения, кровнородственной общности между человеком и уткой, происхождении отдельных групп людей от утки, т.е. основные элементы тотемических мировоззрений первобытных людей. В эпосе «Урал-батыр» и «Акбузат» находит преломление образ утки-праматери, родоначальницы башкир. В сказочной прозе, поверьях и бытовых традициях утка фигурирует в амплуа покровительницы, защитницы и благотворительницы башкир. Не исключено, что в этих мотивах отражаются реликты взглядов на утку как на мифического орнитоморфного предка, патрона отдельных групп древних башкир. В религиозно-мифологических представлениях башкир имеются пережитки табуирования утки. Видимо, ее как тотема отдельных групп башкир в древности запрещали убивать и употреблять в пищу ее мясо. В устных рассказах и суевериях башкир обнаруживаются рудименты представлений об утке как о воплощении души человека, духа горы и озера, хозяина дома, скота, клада, богатства, живой и мертвой воды. В эпосе «Урал-батыр», «Акбузат» и космогонических легендах просматриваются связи мифической («золотой») утки с солярно-лунарными культами, она олицетворяет небесные светила — солнце и луну. В них утка выступает в роли демиурга, культурного героя и творца земной тверди. В декоративно-прикладном искусстве башкир образ утки обладает апотропейными функциями. В устном творчестве проскальзывают мотивы умиловления древними башкирами божественной утки, приношения ей даров. Фольклорные и этнографические мотивы дают достаточное основание для вывода о существовании у предков башкир развитого культа утки. Культ утки в религиозно-мифологической системе башкир является неотъемлемой составной частью культурной истории человечества. Схожие с вышеприведенными башкирскими материалами этнографические параллели установлены в этнокультурных традициях самых различных народов мира.

Библиографический список

1. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа : Китап, 2006. 373 с.
2. Башкирские шежере / сост., пер. текстов, введ. и комм. Р.Г. Кузеева. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1960. 304 с.
3. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа : Уфим. ИИЯЛ АН СССР : Гос. музей этнографии народов СССР, 1964. 260 с.
4. Мингажетдинов М.Х. Этногенетические мотивы в башкирских сказках // Археология и этнография Башкирии : материалы научной сессии по этногенезу башкир. Май, 1969 г. Уфа : БФАН СССР, 1971. Т. 4. С. 301–308.
5. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.
6. Аминев З.Г. Космогонические воззрения древних башкир. Уфа : Башлингвоцентр, 2005. 140 с.
7. Котов В.Г. Южноуральский пласт индоарийской мифологии // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы : сборник статей. Уфа : Гилем, 2000. С. 84–109.
8. Котов В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. Уфа : Гилем, 2006. 408 с.
9. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа : РИО БашГУ, 2005. 146 с.
10. Башкорт халыҡ уйындары / Төз., баш һүз авт. Г.Р. Хөсәйенова. Өфө: Гилем, 2006. 72 б. (на башк. яз.).

11. Абсалямова Ю.А. Названия родоплеменных подразделений как источник по этнической истории башкир (на примере Восточного Оренбуржья) // Этнос и культура Урало-Поволжья: история и современность. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. С. 3–11.

12. Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977. 519 с.

13. Сәғитов М. Башкорт халык эпосы // Башкорт халык ижады. Эпос. Өфө: Башк. китап нәшр., 1972. 1-се китап. 242 б. (на башк. яз.).

14. Харисов Ә. Башкорт халкының әзәби мирасы. XVIII–XIX быуаттар. Өфө: Башк. китап нәшр., 1965. 416 б. (на башк. яз.).

15. Башкирское народное творчество. Т. 2. Предания и легенды. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. 573 с.

16. Экспедиция материалдары-2005: Яңауыл районы. Өфө: РФА ӨҮҮ ТТЭИ, 2009. 264 б. (на башк. яз.).

17. Башкирское народное творчество. Т. 3: Богатырские сказки. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1988. 448 с.

18. Башкирское народное творчество. Т. 4: Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1989. 512 с.

19. Полевые материалы автора. Записано в 2017 г. с. Акъяр Хайбуллинского района Республики Башкортостан от Г.Я. Ямансаринной, 1947 г.р.

20. Шитова С.Н. История архитектурного декора в башкирских аулах. Уфа: Гилем, 2004. 218 с.

21. Полевые материалы автора. Записано в 2000 г. в с. Большеабишево Хайбуллинского района Республики Башкортостан от И.Д. Илимбетова, 1925 г.р.

22. Руденко С.И. Башкирские сказки поверья // Археология и этнография Башкирии: сборник статей. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. Т. 5. С. 17–31.

23. Башкорт теленең һүзлеге: В 2-х т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1. 864 с. (на башк. яз.).

24. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. Уфа: Гилем, 2012. 704 с.

References

1. Rudenko S.I. Bashkirs. *Historical and Ethnographic Essays*. Ufa: Kitap Publ., 2006. 373 p. (In Russ.).

2. *Bashkir Genealogies*. Compl., Transl. of Texts, Introd. and Comm. by R.G. Kuzeev. Ufa: Bashkir Book Publ. House, 1960. 304 p. (In Russ.).

3. Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V., Kuzeev R.G. *Bashkir Decorative and Applied Art*. Ufa: Ufa Institute of History, Language and Literature of the USSR Academy of Sciences Publ., 1964. 260 p. (In Russ.).

4. Mingazhetdinov M.Kh. Ethnogenetic Motives in Bashkir Fairy Tales. *Archeology and Ethnography of Bashkiria. Materials of the Scientific Session on the Ethnogenesis of the Bashkirs*. May, 1969. Ufa: Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences Publ., 1971. Vol. 4. P. 301–308. (In Russ.).

5. Khisamitdinova F.G. *Mythological Dictionary of the Bashkir Language*. Moscow: Nauka Publ., 2010. 452 p. (In Russ.).

6. Aminev Z.G. *Cosmogonic Views of the Ancient Bashkirs*. Ufa: Bashlingvotsentr Publ., 2005. 140 p. (In Russ.).

7. Kotov V.G. South Ural Layer of Indo-Aryan Mythology. *Ethnicities and Cultures at the Junction of Asia and Europe. Collection of Articles*. Ufa: Gilem Publ., 2000. P. 84–109. (In Russ.).

8. Kotov V.G. *Bashkir Epic "Ural Batyr". Historical and Mythological Foundations. Collection of Articles*. Ufa: Gilem Publ., 2006. 408 p. (In Russ.).

9. Suleimanova M.N. *Bashkir Pre-Islamic Beliefs and Rituals*. Ufa: Bashkir State University Publ., 2005. 146 p. (In Russ.).

10. *Bashkir Folk Games*. Comp., Author of the Introd. G.R. Khusainova. Ufa: Gilem Publ., 2006. 72 p. (In Bash.).

11. Absalyamova Yu.A. Names of Tribal Divisions as a Source on the Ethnic History of the Bashkirs (Using the Example of the Eastern Orenburg Region). *Ethnicities and Culture of the Ural-Volga Region: History and Modernity*. Ufa, 2007. P. 3–11. (In Russ.).

12. *Bashkir Folk Epic*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 519 p. (In Russ.).

13. Sagitov M. Bashkir Folk Epic. *Bashkir Folk Art. Epic*. Ufa: Bashkir Book Publ. House, 1972. Book 1. 242 p. (In Bash.).

14. Kharisov A. *Literary Heritage of the Bashkir People. 18th–19th Centuries*. Ufa: Bashkir Book Publ. House, 1965. 416 p. (In Bash.).

15. *Bashkir Folk Art. Vol. 2. Traditions and Legends*. Ufa: Bashkir Book Publ. House, 1987. 573 p. (In Russ.).

16. *Expedition Materials of 2005: Yanaul District*. Ufa: IHLL USC RAS Publ., 2009. 264 p. (In Bash.).

17. *Bashkir Folk Art. Vol. 3. Heroic Tales*. Ufa: Bashkir Book Publ. House, 1988. 448 p. (In Russ.).

18. *Bashkir Folk Art. Vol. 4. Fairy Tales. Tales about Animals*. Ufa: Bashkir Book Publ. House, 1989. 512 p. (In Russ.).

19. *Author's Field Materials*. Recorded in 2017 in the Village of Akyar, Khaibullinsky District of the Republic of Bashkortostan from Gulnur Yamansarina, Born in 1947. (In Bash.).

20. Shitova S.N. *History of Architectural Decoration in Bashkir Villages*. Ufa: Gilem Publ., 2004. 218 p. (In Russ.).

21. *Author's Field Materials*. Recorded in 2000 in the Village of Bolsheabishevo, Khaibullinsky district, Republic of Bashkortostan from I.D. Ilimbetov, Born 1925. (In Bash.).

22. Rudenko S.I. Bashkir Fairy Tales. *Archeology and Ethnography of Bashkir. Collection of Articles*. Ufa: IHLL USC RAS Publ., 1973. Vol. 5. P. 17–31. (In Russ.).

23. *Dictionary of the Bashkir Language: in 2 Vol.* Moscow: Russ. Language Publ., 1993. Vol. 1. 864 p. (in Bash.).

24. Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F. *The Cult of Animals in the Mythological and Ritual Tradition of the Bashkirs*. Ufa: Gilem Publ., 2012. 704 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

А.Ф. Илимбетова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Уфа, Россия.

About the author:

A.F. Ilimbetova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Ethnology Department, «Badge of Honor» Order Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.